
П.А. Сорокин
(США)

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО¹

Представлена глава из непереведенной книги Питирима Александровича Сорокина «Современные социологические теории» (1928), где подробно рассмотрена структура социологической теории В. Парето, по выражению Сорокина, очерчен «каркас основных идей» его социологии. Глава завершается критическим резюме, где Сорокин показывает, что составляет сильные и слабые стороны социологии Парето, отмечает его значительный вклад в методологию социальной науки, в социологию человеческих речевых реакций и идеологий, в изучение социальной циркуляции и социальных циклов.

Ключевые слова: Парето, «экспериментальная» наука, детерминизм, взаимозависимость социальных явлений, логические и нелогические действия, теория факторов, социальное равновесие, социальная система, циркуляция элит, социальный отбор.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) – русский, американский социолог и культуролог.

Переводчик: **Виктория Леонидовна Силаева** – кандидат философских наук, доцент, научный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены». E-mail: seva@starlink.ru.

¹ Перевод выполнен по: *Sorokin P.A. Contemporary sociological theories*. N.Y.: Harper & Brothers, 1928. P. 37–65, и представлен на конкурс, объявленный журналом «Социология: методология, методы, математическое моделирование» в 2016 г.

Концепция Парето¹ о связи специальной <социальной> науки и социологии

Еще до Виньярского^{2*} и многих других представителей социальной механики Парето, следуя работам Госсена, Вальраса, Джевонса, Курно и Эджворта, создал свою теорию «чистой экономической науки» и чистой социальной науки, которая представляет собой «теоретическую механику» в ее связи с социологией.

В рациональной механике изучаются два типа движений: реальные и виртуальные. Первые соответствуют движениям, которые реально имеют место; вторые совершаются при определенных обстоятельствах, обозначенных как гипотетические, и помогают понять особенности реальных движений... Изучение реальных движений предполагается почти исключительно как описательное, а изучение виртуальных движений выступает по сути как теоретическое. Изучение первых может быть синтетическим, изучение последних – аналитическим. Человеческий разум не может полноценно изучить различные феномены одновременно; нам приходится рассматривать их последовательно. Из этого следует абсолютная необходимость более или менее произвольного выделения различных частей феноменов и их отдельного изучения в том порядке, в котором они позже могут быть соединены в единое множество для получения синтетического представления о реальном феномене.

Чистая политическая экономия аналогична теоретической механике. Подобно ей чистая политическая экономия вынуждена упрощать сложную реальность, принимать простейшие

¹ Родился в Париже в 1848 г., от итальянских родителей. Умер в 1923 г. Профессор экономики и социологии в Университете Лозанны, Швейцария. См. биографию Парето в [1].

^{2*} Виньярский Леон (1865–1915) – польский экономист и социолог, ученик Вильфредо Парето, работавший в Университете Лозанны. – *Прим. пер.*

изолированные условия для простейшего *homo-economicus* (виртуальный экономический феномен), чтобы сделать возможным их аналитическое изучение. При таком изучении люди должны рассматриваться как простые жаждущие удовольствия молекулы, подобно тому, как в теоретической механике сложное твердое тело рассматривается как простейшие материальные точки. Когда такое изучение закончено, наступает синтетическая стадия, когда все аналитические данные чистой экономической науки и других чистых наук подлежат объединению для объяснения реального и сложного социального феномена. Несмотря на то что человек всегда остается *homo-economicus*, в реальности он представляет собой нечто более сложное, чем жаждущая удовлетворения потребности молекула. Нам следует учитывать его привязанности, склонности, предубеждения и т.д. Чтобы объяснить реальный сложный экономический феномен, мы должны учесть все важные факторы, оставленные без внимания в нашей «чистой экономической науке», но существующие в реальности и влияющие на «чистый экономический феномен». Единственная наука, которая использует выводы чистой экономической науки и других чистых социальных наук, синтезируя их данные, – это социология. Таким образом, поскольку чистая экономическая наука начинает все чаще и чаще принимать во внимание все важные человеческие свойства, и продолжает идти своим синтетическим путем, она все больше и больше превращается в социологию как в синтетическую науку о реальном человеке и реальном социальном феномене [2; 3; 4; 5, § 2009–2024].

То же самое справедливо и для любой специальной чистой науки. И следуя именно этим путем, Парето превратился из «чистого экономиста» в социолога. Как и методы теоретической механики, методы чистой экономической науки по своей сути – математические. Математическими или функциональными также являются методы синтетической социальной науки как науки, которая изучает взаимозависимость различных социальных феноменов. Это дает

представление о «чистой экономической науке» Парето и других «чистых социальных науках» и их связи с социологией. Эти идеи блестяще реализованы Парето в его экономических трактатах¹.

Идеи эти принесли ему заслуженную славу и лидерство в области математической экономии, значительно повлиявшей на Виньярского и других сторонников механистической школы в социологии. Таким образом, Парето стал родоначальником этой школы в современной социологии, поэтому я и намерен обсудить его теорию в этой главе.

Однако я не утверждаю тем самым, что социология Парето хоть сколько-нибудь подобна примитивной «социальной механике», подвергнутой критике выше^{2*}. Парето был слишком самобытным и слишком глубоким мыслителем, чтобы удовлетвориться чем-то вроде таких инфантильных «механических аналогий». Следуя от чистой аналитической экономии ко все более и более синтетическому изучению реального (сложного) социального феномена, он оставался «механицистом» ровно настолько, насколько «механистический метод» означает, согласно К. Пирсону, наиболее точное и краткое описание изучаемого феномена. Во всех прочих отношениях социология Парето имеет очень мало общего с упомянутыми выше «механистическими теориями». Сводный обзор социологических концепций Парето приведен в двух крупных его трудах: *Трактате по общей социологии* (*Trattato di sociologia generale*), опубликованном в Италии в 1915–1916 гг. (переведен на французский в 1917–1919 гг.), и *Социалистических системах* (*Les systèmes socialistes*). Оба этих издания представляются наиболее важными из всех его социологических трудов. *Trattato* не может служить учебником. Он не имеет ничего общего с привычными образцами «Принципов», «Основ» и «Общих социологий». Трактат Парето является продуктом самобытного и выдающегося

¹ См.: [6; 7; 8] и большую серию статей Парето, опубликованных в ведущих экономических и социологических итальянских, французских и швейцарских журналах.

^{2*} См.: [9, р. 3–37]. – *Прим. пер.*

научного интеллекта. Есть мнение, что он столь же оригинален и значим, как трактаты Вико и Макиавелли¹. Если принять это суждение, то оценка работ Парето как выдающихся не подлежит сомнению. Не подлежит сомнению и огромное влияние Парето на итальянские и французские экономические и социологические идеи, а также на политическую мысль и политическую жизнь в Италии. Как известно, в идеологии итальянского фашизма многое было воспринято от теорий Парето^{2*}. Выдающийся характер его теорий также засвидетельствован теми писателями-социалистами и антифашистами, которые называли его «Карлом Марксом буржуазии». Но достаточно об общей характеристике Парето. Обратимся теперь к его *Trattato*. Как почти все, кто пишет о Парето, я должен сделать предупреждение. *Trattato* написан столь небрежно и материал упорядочен столь беспечно, что в кратком обзоре невозможно адекватно передать смысл этой работы Парето³. Ее следует читать и изучать в оригинале. Даже самый лучший

¹ См. статьи Р. Мишеля об итальянской социологии и работах Парето в *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, июль-август 1924; а также в [10; 11; 12; 13; 14] и в [15] (опубликовано Университетом Лозанны, где Парето работал профессором); специальный выпуск *Giornale degli Economisti* [16], посвященный Парето и составленный из статей Р. Мишеля, М. Панталеони, Е. Барона, Дж. дель Веккио, Р. Бенини, Е. Чиккотти и других известных экономистов и социологов.

^{2*} Бенито Муссолини в своих речах порой использовал отдельные выражения, взятые из социологии Парето, в частности, говорил о вырождении правящих плутодемократических элит в США и Великобритании, а также заявлял, что цель фашистов – борьба с анархией, наведение в стране порядка и установление в итальянском обществе социального равновесия. – *Прим. пер.*

³ Буске справедливо отмечает: «*Trattato* написан настолько плохо, насколько это возможно... Обилие экспериментальных оснований скрывает наглядность доказательства, объекты рассматриваются без какой-либо последовательности, и читатель не понимает нити рассуждений» [11, р. 116]. Ср.: [17, р. 22]. Имеется также краткий *Компендиум* <содержания> социологического *Трактата* Парето, подготовленный Дж. Фариной; но даже он не позволяет составить вполне адекватного представления о данном труде Парето.

анализ будет лишь слабой тенью самой работы¹. Все, что я могу сделать здесь – только очертить такую тень основополагающих идей теории Парето.

Что Парето понимает под научной социологией

Под научной социологией Парето подразумевает «логико-экспериментальную науку», основывающуюся исключительно на наблюдении фактов и экспериментировании с ними. Никаких размышлений, домыслов, морализаций, ничего из того, что выходит за пределы фактов или не описывает их единообразий или качеств, которые могут составить компонент или теорию логико-экспериментальной социологии. Иными словами, никакие априорные элементы и принципы не входят и не должны входить в социологию. В такой социологии суждения и утверждения предстают не чем иным, как описанием фактов и их единообразий. По существу они никогда не становятся абсолютными, но остаются относительными, будучи тем предметом, который изменяется, как только новые факты выявят их неточность. Такие категории, как «необходимость», «неизбежность», «абсолютная истина» или «абсолютный детерминизм» и тому подобное, лежат за пределами данной науки. Ее утверждения имеют всего лишь более или менее вероятностный характер, они основываются на принципах теории вероятности и оцениваются согласно теории вероятности. То, что лежит за пределами наблюдения и экспериментирования, не может стать объектом такой науки. Об этом логико-экспериментальная социология ничего сказать не может. Ни сущность, ни абсолютный принцип, ни абсолютная истина, ни

¹ В этом отношении труд Парето напоминает одну из работ другого выдающегося социолога и экономиста – Макса Вебера. Несмотря на достаточно различные начальные позиции и терминологию, методологические выводы обоих авторов (в области социологии) довольно схожие. Поскольку наиболее важная социологическая работа М. Вебера касается вопросов религии, удобнее будет обсудить его социологию в главах, посвященных социологии религии.

моральная оценка — ничто из того, что лежит вне наблюдения и экспериментальной проверки, не может стать компонентом «логико-экспериментальной социологии».

До сих пор почти все социологические теории не содержали в себе подобных логико-экспериментальных положений. В той или иной степени они всегда были догматическими, метафизическими, не логико-экспериментальными, безусловными и «морализирующими». Как правило, они выходили за границы фактов, наблюдений, экспериментирования и даже логики. В этом аспекте «социологии» Огюста Конта и Герберта Спенсера почти столь же ненаучны, как и теологические и религиозные теории, которые они критиковали. Под другими названиями, эти и прочие социологи вводили в свои теории все те же «сверхфактические и сверхэкспериментальные сущности» (моральную эволюцию, догматизм, «религию прогресса и эволюции», религию «позитивизма» и т.д.), которые являются не чем иным, как «сущностями» и «абсолютами», лежащими за пределами наблюдения и составляющими предмет критикуемых ими религиозных учений, только в слегка измененной словесной оболочке. Социологические теории «Религия человечества», «Религия солидарности» или «Демократия»; понятия «Прогресс», «Социализм», «Эволюция», «Братство», «Свобода», «Справедливость», «Равенство» и тому подобное; теории, проповедующие то, что должно и чего не должно быть; теории, которые дают оценки тому, что хорошо, а что плохо; различные «законы» эволюции и развития, — все эти теории и утверждения, столь обильно рассеянные в современной социологии и социологической мысли, столь же ненаучны, как любая «теология», поскольку остаются всего лишь ее модификацией. Как и теология, они лежат за пределами фактов и наблюдения, они не описывают свойства и единообразия фактов, но догматически внушают то, что должно быть, или постулируют данность, которая оказывается вне области наблюдения и экспериментирования¹.

¹ См.: [18, p. 1–64].

Такова, вкратце, концепция Парето в отношении социологии как логико-экспериментальной науки. Легко увидеть, что эта научная концепция подобна концепциям А. Курно, Э. Маха, Р. Авенариуса, А. Пуанкаре, А. Рея, П. Дюгема, К. Пирсона, А. Чупрова, Ф. Энрикеса, отчасти концепциям Г. Файхингера и М. Вебера¹, и концепциям некоторых других известных представителей и теоретиков современной науки. Это не означает, что Парето отрицает какую бы то ни было полезность не-логико-экспериментальных теорий и верований. Напротив, он более чем кто-либо, настаивает на том факте, что «ненаучные» (или не логико-экспериментальные) теории довольно часто полезны и необходимы для существования общества, в то время как логико-экспериментальные теории часто могут быть социально пагубными. Таким образом, Парето разделяет категории истинного и полезного. Тем не менее, если он безжалостно изгоняет все не-логико-экспериментальные предположения из научной области, он делает это только для того, чтобы избежать смешения науки с другими формами социального мышления.

Количественное описание функционального взаимодействия социальных феноменов вместо рассмотрения односторонней причинно-следственной связи

Следующая важная часть методологии Парето заключается в его критике идеи односторонней, однонаправленной причинно-следственной связи применительно к изучению социальных феноменов. Понятия «причина» и «следствие» предполагают

¹ Отталкиваясь от совсем иных предположений, Макс Вебер приходит к выводу о том, что социологические закономерности являются не чем иным, как «Erwartungschancen» или типичными вероятностными ожиданиями. См.: [19, р. 14; 20, р. 420, 444 ff].

отношения односторонней зависимости между двумя и более феноменами. На самом деле, такое отношение почти никогда не характеризует связь между различными социальными феноменами. Как правило, они взаимозависимы. Например, если определенные особенности членов общества влияют на их социальную организацию, то последняя тоже влияет на первые. По этой причине концепция одностороннего и однонаправленного отношения между причиной и следствием не может быть применена к научному изучению социальных феноменов. При применении эта концепция вскрывает ошибочность либо «упрощенческой», либо «кинематографической» теории. Под ошибочностью «упрощенческой теории» я понимаю следующее. Рассмотрим общество. Его особенности и равновесие состоят и зависят от: географической среды, (А) экономической ситуации, (В) политического устройства, (С) религии, (D) морали и знаний, (Е) других условий. Все эти переменные взаимозависимы и влияют друг на друга. Взаимодействуя, они постоянно меняют особенности общества и его равновесие. Тогда мы получаем взаимозависимость этих «переменных» и динамическое равновесие общества, которое постоянно может переходить от одного состояния

А, В, С, D, Е.....в другое

А', В', С', D', Е'.....

А'', В'', С'', D'', Е''.....и так далее.

Теоретик-«упрощенец» рассматривает элемент А в качестве причины, и пытается представить В, С, D и Е в качестве ее «следствия»¹. Кто-то из упрощенцев может рассмотреть В, С или D

¹ Например, Ф. де Куланж пишет: «местная религия учила человека присваивать землю и гарантировала его права на собственность». Парето показывает ошибочность этого утверждения и то, как причинно-следственная связь (вместо взаимозависимости) привела к этой ошибке [18, р. 254–255]. В том же ключе он рассматривает серию «причинных теорий» Огюста Конта, Герберта Спенсера,

в качестве «причины» и попытаться представить другие элементы следствиями. Таким образом, мы могли бы получить и действительно получили множество различных противоречивых теорий, которые представляют собой упрощенческий тип социологической теории (все они являются односторонними теориями, которые пытаются объяснить всю социальную жизнь через географический, расовый, экономический, политический или какой-либо другой фактор). В результате такого метода теория становится неизбежно односторонней, ее обобщения – неадекватными, диагнозы – ошибочными, формулы — ложными, не говоря уже о бесполезных столкновениях между различными упрощенческими теориями.

Ошибочность «кинематографической» теории означает следующее. Социологи наблюдают и описывают переход из А в А', А'' и так далее; переход из В в В', В'' ...; и из С в С', С'' ..., подобно тому, как нам показывают кадр за кадром в кинематографе. Подобный переход фигурирует в этих кинематографических теориях под именем эволюции. Задача теорий ограничивается таким описанием, и считается, что путь научного исследования на этом закончен. Ошибочность таких теорий, даже если их схемы «эволюции» точны (что бывает редко), состоит в их поверхностности. Они не дают и не могут дать никакого обобщения за пределами чисто эмпирического, «исторического описания». Они не могут предоставить нам «формулы единообразия» и не дают анализа феномена [18, § 2023]¹.

Во избежание таких ошибок социология должна иметь дело с понятием функциональной зависимости между социальными феноменами, а не с односторонней причинно-следственной

Г.С. Мэна, Дюрюи, Дж. С. Милля и других, и убедительно раскрывает их ложный характер по той же причине [18, §256 и далее]. По той же причине он прав, говоря, что большинство различных антропологических и этнографических «объяснений» несостоятельны.

¹ Ср.: [17, p. 22–24].

связью. Такие понятия, как «причина» и «следствие» должны быть заменены понятиями: «переменная» и «функция». Чисто методологически сначала необходимо выделить определенную «переменную», которая всегда присутствует в качестве компонента социального феномена, а затем изучить ее «функциональную зависимость» от других феноменов В, С, D, E. То же самое следует сделать в отношении «других переменных» В, С, D, E. По окончании этой стадии следует включить серию полученных «формул» функциональной корреляции в изучение комплексного ряда взаимозависимых социальных феноменов А, В, С, D...¹ На этой синтетической стадии изучения основное внимание следует обратить к тем социальным взаимосвязям, которые более или менее постоянны. Следует наблюдать за их колебаниями во времени и пространстве и за взаимозависимостью и корреляцией этих колебаний. Следует уловить суть повторяющихся единообразий в их комплексных вариациях и изменениях, описать их качественно, измерить их количественно. Все, что уникально, достаточно нерегулярно, неповторяемо или «случайно», следует оставить в стороне, по крайней мере, на время, пока не будет формул для ряда наиболее важных «единообразий» и их количественных индексов. *De minimis non curat praetor*^{2*}. Таким образом, мы получим ряд «последовательных приближений» к сложной реальности. В противоположность тем упрощенческим теориям эти «последовательные приближения» будут достаточно точными³. Они также будут отличаться от кинематографических теорий в том, что дадут нам представление о функциональной зависимости феноменов и формулы единообразий, и индексы корреляции, которые более или менее точно опишут наиболее фундаментальные социальные

¹ Ср.: [21, р. 21–22, 82, 183, 238 и далее].

^{2*} Лат. выражение – Закон не заботится о мелочах. – *Прим пер.*

³ В сравнении с соответствующей теорией свойств социологической генерализации М. Вебера. См. дальше о М. Вебере.

процессы. Итак, все эти положения методологии Парето можно резюмировать следующим образом.

А. Концепция взаимозависимости вместо односторонней связи.

В. Концепция функциональной зависимости вместо причинно-следственной связи.

С. Изучение константных элементов социальной системы вместо рассмотрения уникальных, случайных и достаточно непостоянных компонентов.

Д. Изучение единообразий и корреляций колебаний (в пространстве и во времени) этих константных элементов.

Е. Количественное измерение единообразий, их колебаний и их корреляций вместо чисто качественного описания.

Ф. Следуя этому методу, мы получим ряд формул, которые будут представлять последовательное приближение к чрезвычайно сложной социальной реальности и ее динамике [18, р. XIII–XVI, § 96, 99, 138, 254–255, 267 и далее; 5, § 1731–1732, 1767, 1861, 2061, 2080, 2088–2104, 2336 и далее]¹.

Кроме того, не трудно увидеть, что эти методологические предложения практически идентичны предложениям А. Пуанкаре, Э. Маха, П. Дюгема, К. Пирсона и других известных методологов науки. Они также не расходятся с достаточно недавно появившейся интерпретацией причинных связей, детерминизма, и тому подобного в естественных науках. Эти понятия все более и более теряют свой метафизический оттенок «неизбежности» и «необходимости», будучи трансформированными в теории функциональных отношений, которые базируются на принципах вероятности. Принципам Парето также соответствуют недавние совершенствования количественных исследований социальных феноменов, математической статистики и математической теории корреляции (в том числе и частной корреляции) и тенденция к совершенствованию в математической теории переменных, и т.д.

¹ Критика Парето «причинных» теорий самых выдающихся авторов достаточно поучительна.

Теперь вкратце рассмотрим, как этот план воплощается у Парето. Его последующие предложения, базирующиеся на длительном и тщательно продуманном анализе фактов и математических формул, могут быть здесь описаны лишь в общих чертах и схематично. Тому же, кто хочет ознакомиться с подтверждением дополнительными фактами, следует обратиться к работе Парето, где почти две тысячи страниц испещрены соответствующими доказательствами.

О понятии общества по Парето

Есть социологи, которые описывают общество как организм, есть те, кто его представляет как простую совокупность индивидов, есть и те, кто использует термин «механизм». Соответственно, имеются социологические органицисты, реалисты, номиналисты и механицисты. Парето остается скорее всего за пределами всех этих школ. По Парето существующая социальная группа – это всего лишь «социальная система», которая, пока существует, находится в состоянии равновесия, т. е. в состоянии, когда силы, пытающиеся разрушить социальную систему, успешно уравниваются интегрирующими силами. Следуя за другими социальными физиками, Парето для упрощения исследования рассматривает общество как систему человеческих молекул, которые находятся в сложной взаимосвязи [5, р. 1306-1316, §2066 и далее]¹.

¹ Отметим здесь математическую формулу социального равновесия Парето. От понятия социального равновесия Парето не сильно отличается понятие Ф. Карли. «Социальное равновесие, – пишет Карли, – это совокупность внутренних ритмов (между элементами социальной системы) и внутренне-внешних, которые развиваются непротиворечивым образом. Иными словами, это общность взаимосвязанных внутренних и внутренне-внешних переменных, которые продолжают быть константами или переменными в однообразной манере» [24, р. 34].

Теория факторов Парето

Реальные формы социальной системы многочисленны и разнообразны. Тогда каковы же факторы, отвечающие за ту или иную форму? «Форма общества определяется всеми элементами, которые на нее влияют: в свою очередь форма влияет на эти элементы». Все эти элементы, или факторы, могут быть разделены на три класса: «(1) почва, климат, флора, фауна, геологические условия и т.д.; (2) другие внешние факторы, актуальные для данного общества на данный момент, такие как другие общности, внешние для данного общества пространственно, и последствия влияния прошлых стадий общества на его актуальное состояние»; (3) внутренние элементы социальной системы, такие как раса, особенности остатков и чувств, интересов, идеологий и других качеств человеческих молекул, которые составляют и определяют социальную систему [5, §2060].

Это показывает, что в данном аспекте Парето выступает плюралистом. Эти элементы, как правило, взаимосвязаны. «Чтобы полностью объяснить данную социальную форму, необходимо познать количественно все эти многочисленные элементы, их следствия, комбинации, корреляции». К сожалению, в настоящее время такое знание непостижимо. Чтобы сделать его возможным, нам придется упростить ситуацию, выбрав только самые важные элементы, не обращая внимание, по крайней мере временно, на менее важные из них. Только когда каждый из этих важных элементов и их комбинаций будут тщательно и количественно изучены, станет возможен и полный социологический синтез. Тем временем следует удовлетвориться упрощенным изучением социальной системы и наиболее важных факторов ее равновесия [5, §2061–2066].

Элементы или факторы, изученные Парето

Из перечисленных выше факторов (или элементов) Парето тщательно исследовал некоторые из них, а именно: (1) «остатки

(residues)» (напоминающие «доминирующие рефлексы» Олпорта или психиатрические «комплексы»), (2) «деривации» (речевые реакции, идеологии), (3) экономические факторы, (4) гетерогенность человеческих существ и социальных групп, (5) социальную мобильность и циркуляцию элит. Понятно, что Парето не думал о том, что эти элементы исчерпывают все важные факторы, отвечающие за формы социальной системы. Множество других факторов важны, но они не изучены Парето по той причине, что тщательное изучение даже указанных пяти элементов довольно затруднено. Социологам еще предстоит тщательное количественное изучение дополнительных факторов. Этим объясняется особенность «Трактата по общей социологии» Парето. Это свойство монографического исследования упомянутых выше пяти элементов социальной системы. Иным словами, Парето методологически упростил реальную социальную систему, допустив, что она состоит только из этих пяти элементов; и таким образом постарался создать огрубленную теорию, которая должна стать приближенным образом реальной и гораздо более сложной социальной системы. Не имея возможности дальше следовать здесь долговому и тщательному анализу Парето, посвященному формам, корреляциям, комбинациям, колебаниям, индексам и следствиям каждого из этих пяти элементов, все, что я могу здесь сделать, это только догматически представить некоторые из его принципиальных выводов.

Выводы Парето, касающиеся остатков и дериваций

1. Помимо прочих элементов, равновесие социальной системы зависит от свойств человеческих молекул, особенно от их форм поведения, от их действий. Действия людей по большей части зависят от характера их «влечений». Среди этих «влечений» особенно важны те, что относительно постоянны. Парето называет их «остатками». Его остатки не являются инстинктами, и они не

соответствуют в точности «чувствам». Это одно из относительно постоянных «влечений», существующих у любого из членов общества, независимо от того, оказалась ли эта постоянность следствием инстинкта или чего-либо еще. «Остатки» относятся к тому, что Олпорт определил как «доминирующие рефлексы», Л. Петражицкий – как «эмоции», и многие другие психологи – как «комплексы», как «комплексы неполноценности», или к тому, что Э. Лоуэлл определил как «диспозиции». В итоге «остатки» базируются на инстинктах, но в противоположность им, их проявление не «негибко», оно чаще варьируется, принимая более разнообразные, даже противоположные формы. Например, сексуальные остатки, в противоположность половым инстинктам, могут проявляться не только в форме копуляции (чистой форме удовлетворения и проявления полового инстинкта), но также в половом аскетизме, нанесении увечий половым органам и в порицании сексуального аппетита и половой жизни. То же самое можно сказать о других «остатках» и их соотношении с инстинктами¹. «Остатки являются проявлением инстинктов и чувств, как повышение ртути в термометре – проявление повышения температуры» [18, § 875].

Имеется шесть основных классов остатков, каждый из которых делится на два ряда подклассов. Эти классы следующие: (1) *Остатки комбинаций*: это стремление сделать физические и мысленные комбинации различных вещей общими, вещей противоположных, подобных, соединить редкие предметы и исключительные события и т.д. (2) *Остатки сохранения агрегатов*: это стремление сохранять отношения человека с другими людьми и объектами, например, живых с мертвыми, и хранить постоянство абстракций, символов, персонифицированных понятий. (3) *Остатки (или потребности) проявления чувств через внешние действия*: религиозная экзальтация, политическая агитация и т.д. (4) *Остатки*,

¹ См. детальный анализ Парето о вычетах в упомянутой работе [18, chap. VI, § 842 и далее; 5, chap. XI].

относящиеся к социальности: это влечения, которые создают отдельные общности и фракции; такие как неофобия, сострадание, жестокость, аскетизм, стремление к популярности, комплексы неполноценности и превосходства, и т.д. (5) *Остатки целостности индивида*. Это стремления сохранить свою личность неизменной, стремление к равенству и т.д. (6) *Сексуальные остатки* [18, § 888]¹.

На первый взгляд эта классификация может показаться довольно несообразной, и все же при изучении ее обоснований и ее анализе большая часть несообразности исчезает. Эти остатки можно найти в любом обществе, и в этом смысле они – постоянные элементы любой социальной системы. Однако распределения остатков между индивидами и группами неравномерны. Существуют индивиды (и группы) с высоким уровнем остатков комбинаций, но со слабыми остатками сохранения агрегатов, а также существуют индивиды и группы с противоположным распределением этих остатков. В одном и том же обществе с течением времени и при различных обстоятельствах распределение остатков среди человеческих молекул может сильно меняться. Когда это происходит, социальная система меняет свою форму.

2. Характер остатков определяет характер человеческих действий. Они в какой-то степени выступают *проявлением остатков*. В среде людей это проявление предполагает две принципиальные формы: *действия, не сопровождаемые речевой реакцией или сознательными субъективными процессами*, такими как инстинктивные или автоматические действия (Схема: А [остаток] приводит к В [действию]); и *действия, сопровождаемые речевой реакцией и идеологией* или сознательными психическими процессами, теориями, мотивациями, оправданиями, заданием целей, намерениями, «благоустройством» и другими эксплицитными и имплицитными речевыми реакциями. Тогда схема выглядит следующим образом: А (остаток) одновременно ведет к В (действию) и к С (речевой реакции). Все эти

¹ См. [8, § 889–1396, § 1687–2059], посвященные анализу этих остатков.

речевые реакции и идеологии Парето называет «деривациями». Из этого вытекает его «социология идей и идеологий» или «социология человеческих речевых реакций».

3. Некоторые авторы справедливо отметили, что в этом аспекте Парето недалек от К. Маркса. Как и Маркс, он не придает большого значения «деривациям» или «идеологиям». Для него они представляют собой проявления остатков. Остатки — это «отцы идеологий». «Деривации» служат своего рода флюгером, который поворачивается в ту сторону, куда дует ветер остатков. Их влияние, конечно, не нулевое, но оно гораздо меньше, чем многие думают. Они более изменчивы и гибки, чем остатки. Один и тот же остаток может дать начало, или быть завуалированным под различные «деривации», и наоборот. Бывает, что различные остатки «поглощаются» похожими «деривациями». Следующий пример проиллюстрирует это. Остаток в форме страха перед убийством проявляется в следующих деривациях:

«Не убий, потому что попадешь в ад.»

«Не убий, потому что это запрещено Богом.»

«Не убий, потому что это аморально.»

«Не убий, потому что это бесчеловечно, или противоречит закону, прогрессу или справедливости.»

«Не убий!»

Эти деривации — всего лишь завеса, скрывающая реальную действенную силу, которая сдерживает акт убийства и которая является соответствующим остатком. В зависимости от обстоятельств этот остаток может породить эти или другие «идеологии». Несмотря на различия, все эти идеологии суть не что иное, как различные «одеяния» одного и того же остатка.

Речевые реакции правоверного католика, не допускающего религиозную толерантность, и речевые реакции пламенного коммуниста, яростно осуждающего нетерпимость, достаточно различны. Однако их остатки одни и те же: это стремление навязать всем остальным

свой собственный образец поведения и верований. Речевые реакции большинства аскетов в отношении секса очень критичны, но сам факт, что они так много говорят о сексе, и столь резко осуждают его, служит показателем, что остаток этих «дериваций» тот же самый, что и у «непристойных речевых реакций» распутников.

4. Из того, что действия и деривации столь зависимы от остатков, следует ряд довольно важных выводов, касающихся остатков и динамики идеологий. Во-первых, остатки часто противоречат друг другу в рамках одной и той же личности. Следовательно, наше поведение и в большей степени наши действия также противоречивы и алогичны. Определяя «логические действия» как такие, когда намеченная субъективная цель действия совпадает с объективным результатом, Парето лучше, чем кто-либо, показал, что наши действия в большинстве случаев — нелогические. Ведомые сложной игрой остатков, мы выполняем огромное количество действий, которые оказываются нелогическими, т. е. в них субъективная цель действия (идеология) оказывается достаточно отличной от объективного результата. Только в области логико-экспериментального поведения, в области научного действия они совпадают. За исключением этого и очень редких случаев человеческое поведение по своей сути нелогическое и противоречивое, поскольку наши остатки зачастую противоречат друг другу. Наши действия непоследовательны с логической точки зрения, поскольку наши остатки находятся в динамическом состоянии, когда доминирующий в данный момент времени остаток может быть быстро сменен другим. Под воздействием первого остатка мы ведем себя одним образом, под воздействием второго — другим. Словом, приведенный Парето анализ корреляции между динамикой остатков и динамикой действий, и выводы, касающиеся нелогических действий людей, представляет собой, по-видимому, непревзойденный анализ человеческого поведения [18, chap. II]¹.

¹ Ср. с: [23, chaps. I-III]. Президент Лоуэлл в своем специальном анализе приходит к выводам, подобным утверждениям Парето.

5. Сказанное выше с еще большими основаниями может быть отнесено к теории Парето, касающейся природы дериваций (идеологий). Поскольку связь между остатками так сложна и часто противоречива, предполагается, что людские деривации (идеологии и речи) редко бывают логическими и точными с логико-экспериментальных позиций. Неизмеримо большая часть из них, включая политические, религиозные, социологические, экономические и тому подобные «теории» оказываются нелогическими, непоследовательными, сами себе противоречащими или псевдонаучными. Они неточно описывают изучаемые факты, но представляют лишь «мотивацию», «оправдание», «облагораживание», «рационализацию», «морализацию» и «идеализацию» того вида поведения, к которому нас подталкивают остатки. Остатки изменяются, изменяются и наши «псевдонаучные» теории. Один остаток уступает место другому, противоположному, и наша теория «А является В» уступает место теории «А является не-В». Следовательно, логика человеческих рассуждений в большинстве случаев далека от того, чтобы быть логичной. Идеология принимается или не принимается в большинстве случаев не потому, что она истинна или ложна, но потому, что она находится в согласии или в несогласии с нашими остатками. Этим объясняется влияние газетной пропаганды, пламенных речей, и всего того, выраженного в словах, что воздействует на эмоции и чувства. Вместо научного доказательства здесь используется сила чисто вербальных псевдодоказательств, которые обращены к нашим склонностям. Несмотря на это, такие деривации зачастую более убедительны, чем научные доказательства, если эти деривации находятся в согласии с доминирующим остатком. Следовательно, если мы хотим изменить мнение или идеологию человека или группы, лучший способ сделать это — изменить его (или их) остатки. При изменении или уничтожении остатков, соответствующие деривации (идеологии) будут также изменены [18, ch. XI]. С этой позиции социология Конта с ее идеалами (деривациями)

позитивизма, прогресса и религии человечества столь же ненаучна, как и примитивная вера в фетиш. Теории прогресса, солидарности, демократии, справедливости, социализма, национализма, патриотизма, интернационализма и т.д. выступают все теми же нелогическими деривациями, лишь по форме отличающимися от примитивных магических и религиозных верований, которые они осуждают. Почти все яростные борцы с предрассудками и суевериями оказываются носителями тех же суеверий и подобного догматического мышления, с которыми они борются. Последовательно рассматривая всех наиболее выдающихся современных социальных мыслителей, таких как Конт, Спенсер, Г. Дж. Самнер Мэн, не говоря уже о легионе различных «идеологий», Парето убедительно показывает непоследовательность, внутреннюю противоречивость, ошибочность и алогичность их утверждений, и в то же время указывает на остатки, отвечающие за их «лженаучность». Как никто другой, он показал «лженаучную природу» «богов прогресса», «эволюции», «демократии», «солидарности», «справедливости», «закона», «естественного права», «морали» и т.д. Для него эти «научные» понятия и теории такие же ложные, как и любое из примитивных суеверий. Они считаются все теми же нелогическими деривациями, только современно «одетыми». В этом вся разница. Поэтому, как и некоторые бихевиористы, Парето рассматривает «деривации» как «второстепенные реакции» в нашем поведении. Он указывает на то, что нельзя основывать какое бы то ни было научное заключение о человеке, группе или эпохе исключительно на соответствующих речевых реакциях. Для него они служат всего лишь своего рода довольно обманчивым термометром, показывающим, какие остатки спрятаны за ними.

Сказанного выше достаточно, чтобы понять, почему Парето не уделял особого внимания «деривациям». Большая часть его работы посвящена изучению колебаний дериваций в связи с колебаниями остатков. Несмотря на то что остатки, как и деривации колеблются, темп их колебаний значительно медленнее,

а амплитуда ограниченнее, чем у дериваций. Последние более переменны и изменчивы. Далее Парето показывает, что несмотря на разницу дериваций в их конкретных формах среди различных людей и в разные эпохи, основные классы остатков, связанных с идеологиями, относительно постоянны. Для поверхностного наблюдателя существует значительная разница между дикарем, обожествляющим свой фетиш или короля, и атеистом-социалистом нашего времени; однако у них обоих один и тот же остаток «обожествление». Единственное различие состоит в том, что дикарь обожествляет некоторый фетиш, и в качестве подтверждения обращается к «магическому закону», в то время как атеист обожествляет К. Маркса, Ленина или Руссо, и в качестве подтверждения цитирует «Капитал» Маркса, «Рассуждения» Руссо и тому подобное. В прошлом остаток «повиновение» главным образом выражался в подчинении королю, священству и знати. Сегодня их репутация опорочена, но остаток сохраняется и выражает себя в подчинении демагогам, лидерам профсоюзов, промышленным магнатам и т.д. «Облачение» разное, но остаток тот же самый. Остаток навязывания единообразия членам общества в прошлом выражался в религиозной нетерпимости, в порицании нападок на частную собственность, в порицании разводов, коротких юбок и т.д. Сегодня в этом отношении мы толерантны, но вместо этого мы не толерантны по отношению к употреблению алкоголя (запрет) и к критике действий реформаторов и последователей «Религии гуманизма», «Прогресса» и т.д. Деривации изменились, но остатки сохранились в прежнем виде. Однако описанная выше концепция Парето не означает, что все эти деривации абсолютно неэффективны или социально опасны. Они вызывают некоторый эффект, но не столь значительный, как полагают многие. Кроме того, в противоположность всем тем, кто считает, что всякая истина полезна, а любое суеверие вредно, Парето обращает внимание на то, что в реальности все иначе. Многие предубеждения (деривации) оказывались полезными для сохранения целостности социальной

системы; в то время как истины способствовали ее дезинтеграции. Иными словами, деривации (мифы, легенды, примитивные верования и суеверия, которые украшают реальность и вселяют энтузиазм) могут быть полезными для групп, и, с другой стороны, обнаженная правда может стать разрушительной. В этом смысле Парето приходит к выводам подобным выводам, к которым пришли Макиавелли, Дж. Фрэнгер, Г. Лебон, Ж. Сорель¹ и др. Суеверия и иллюзии по-своему жизненно важны для общества, как и логико-экспериментальные истины. Сказанное выше выявляет самую общую схему основных идей Парето в этом аспекте. Если кратко резюмировать, материал этой книги состоит из кропотливого анализа влияния остатков на деривации, остатков — на остатки, окружающей среды — на остатки, дериваций — на остатки, и колебаний и распространения остатков и дериваций. И я вынужден опустить этот материал из-за ограничений по объему главы.

6. Среди прочих моментов теории остатков Парето следует упомянуть его утверждение о том, что шесть описанных выше классов остатков неравномерно распределены между различными индивидами, социальными классами и социальными группами. Есть личности и группы с множеством сильных остатков первого класса (остатки комбинаций); есть личности и группы со множеством сильных остатков второго класса (остатки сохранения агрегатов). То же действительно в отношении других классов остатков. Это важно в том смысле, что характер преобладающих остатков сильно влияет на личностные свойства отдельного человека и группы. Он ставит на них ярко выраженный штамп и в значительной степени определяет как поведение человека, так и характер социальной организации группы. Среди всех классов остатков, наиболее важны остатки первого и второго класса. На их основе Парето выдвинул свою гипотезу о двух основных *социальных типах* личности: *спекулянты* и *рантье*. К первому типу

¹ См., например: [24] и теорию Сореля о целесообразности мифов [25, р. 133 и далее].

принадлежат все те, кто обладает сильными и многочисленными остатками комбинаций. Это комбинаторы, предприниматели и махинаторы, которые постоянно ищут новые комбинации (финансовые и бизнес схемы, изобретения, политические и дипломатические модели и тому подобное). Какова бы ни была область их комбинаций, у них всегда новые схемы. В этом смысле они реформаторы и преобразователи. Им не присущ психологический консерватизм. Будучи гибкими во всех отношениях, зачастую они аморальны и бесчестны. К *рантье* относятся те, чьим преобладающим остатком является сохранение агрегатов. По этой причине психологически они представляют собой консервативный тип: это люди, которые не интересуются инновациями и новыми комбинациями, но стараются сохранять, оберегать и поддерживать то, что уже существует. Это люди с сильно развитым чувством долга, с ограниченными, но целеустремленными намерениями, решительные в своих действиях. Их можно обнаружить среди «недалеких», но непреклонных лидеров любого движения. Они жестки в своем поведении и зачастую фанатичны.

В этом смысле они – извечные типы, имеющиеся в любом обществе. Когда первый тип, спекулянтов, преобладает в правительстве (как правило, в демократических и плутократических правительствах), высшие классы проявляют способность к комбинации. Посредством этой власти они временно способствуют экономическому благосостоянию общества. Они успешно манипулируют управляемыми ими массами посредством различных гуманистических и демократических махинаций, обещаний и т.п. Естественно, они продажны. Продажность и махинации рано или поздно приводят к разрушительным последствиям, что заканчивается заменой высших классов противоположным типом, *рантье*. Происходящее таким образом чередование постоянно встречается в истории разных стран, оно наблюдается и в наше время. Согласно Парето, большинство предвоенных демократических правительств состояло из плутократических

парламентарных махинаторов или продажных «спекулянтов». Они проявляли способность к комбинациям, но в то же время были настолько продажными, и становились настолько мягко-сердечными и «гуманистичными», что были вытеснены людьми типа рантье (вне зависимости от того, было ли это вытеснение полезным или губительным)¹. По-видимому, события в значительной степени подтвердили предсказания Парето².

Выводы Парето о других элементах формы социальной системы

Менее детальным образом Парето также исследовал другие элементы факторов социального равновесия: экономические факторы или интересы, гетерогенность людей, социальную стратификацию и циркуляцию элит.

Экономические интересы. – Едва ли можно усомниться в том, что «индивиды и группы действуют согласно своим инстинктам и мотивам для приобретения полезных и приятных им материальных ценностей и для получения почестей и уважения», иными словами, у них есть «интересы». Совокупность этих интересов играет важную роль в установлении социального равновесия. Их сложная подлинная сущность не может быть исчерпывающе объяснена экономикой, она требует синтетического социологического изучения. С другой стороны, социология не сможет объяснить сложную социальную реальность, если не примет во внимание положения чистой экономики как отдельной науки, которая изучает интересы особым образом и при упрощенных условиях. Экономическая интерпретация истории верна до тех пор, пока она настаивает на важности роли экономических факторов в

¹ См.: [18, chap. XIII], где проведен анализ нескольких экспериментальных исследований типов личности, аналогичных типам Парето.

² См. об этой теории [5, chap. XII].

экономических феноменах. Но как только она пытается объяснить их исключительно посредством этих факторов, т.е. делает их «причиной», а остальные факторы выдвигает «следствиями», она становится ошибочной. В этом смысле эта теория – лишь разновидность описанных выше упрощенческих теорий. (См. также главу об Экономической школе^{1*}).

Социальная гетерогенность. – Следующим важным и постоянным элементом или фактором социальной системы является гетерогенность индивидов. Опять же это неизменный и бесспорный факт. Физически, морально и интеллектуально индивиды гетерогенны. Из этой неоднородности происходит феномен социальной стратификации и социального неравенства. Это также неизменный и постоянный элемент любой социальной системы. В связи с этой частью своей теории Парето приводит резкую критику теорий равенства, демократии, самоуправления и т.п. Все соответствующие идеологии – всего лишь деривации, совершенно не соответствующие фактам. Никакой социальной или политической системы, где было бы реализовано равенство или настоящая демократия, никогда не существовало. То, что называется демократией, скорее является плутократией: контролем над управляемыми массами, осуществляемым посредством обмана, махинации и комбинации демагогами, капиталистами, лицемерами и беспринципными людьми. Еще один важный тип управления – грубое принуждение, которое проводит контроль посредством применения силы. Первый может быть таким же эффективным или разрушительным, как и второй. Какое бы правление не осуществлялось, фундаментальный факт гетерогенности людей приведет к социальному неравенству и стратификации. В идеологиях могут быть использованы такие эпитеты, как демократия, равенство или другие высокопарные слова. Однако они не отменяют того факта, что стратификация проявляется в любом обществе и в любой группе.

^{1*} См.: [9, p. 514–599] – *Прим. пер.*

Циркуляция элит. – Наличие социальной стратификации означает, что в каждом обществе имеется, грубо говоря, две основных страты: нижние и высшие классы. Распределение остатков в них различно, и они отличаются во многих отношениях. Поскольку существует стратификация, должна существовать и циркуляция или перемещение индивидов из низших в высшие классы, и из высших в низшие классы. Ее интенсивность варьируется от общества к обществу и изменяется во времени, но до некоторой степени она существует даже в кастовом обществе. Одной из ее постоянных причин остается то, что любая имеющаяся аристократия рано или поздно обречается на исчезновение. «История – это кладбище аристократий». Вакуум, созданный вымирающей аристократией, должен быть заполнен, и заполнение осуществляется посредством восхождения приспособленных представителей низших классов на высшие социальные позиции. Таким образом, в каждом обществе происходит постоянный процесс циркуляции элит. Изучив некоторые его особенности, Парето показал основные методы, посредством которых аристократия или плутократия пытается сохранить свои позиции. Эти методы таковы: истребление, лишение свободы, взяточничество, коррупция и поднятие по социальной лестнице потенциальных и опасных лидеров из низших классов. И здесь опять этот «К. Маркс буржуазии» выдвигает теории, подобные теориям наиболее радикальных революционных синдикалистов и анархистов. С другой стороны, в противоположность «мягкосердечным идеологам либерального гуманизма», он утверждает, что «либеральное» мнение о неэффективности физических и жестких мер поддержания привилегированных аристократических позиций не верно. Вместе с Сорелем он утверждает, что правильным применением жесткой силы и введением жесткого повиновения аристократия может поддержать и продлить свое существование, и что, вопреки распространенному мнению, такие жестокие аристократии существовали гораздо дольше, чем кроткие «гуманитарные аристократии». Поэтому Парето предска-

зывает падение современных парламентарных, мягкосердечных и пацифистских плутократий современных демократических стран и восхождение новых жестких, сильных и милитаристских аристократий из низших классов¹. Такие циклы осуществлялись множество раз, и будут осуществляться в будущем.

Обозначив эти константные элементы социальной системы, Парето переходит к изучению их взаимозависимости и их взаимозависимости с остатками, деривациями и рядом других феноменов [5, ch. XII–XIII].

Циклическая концепция социальных изменений Парето

Изучив колебания различных феноменов, Парето выдвигает ряд циклических теорий для различных социальных процессов. «Линейная концепция» социальных изменений остается для него чуждой. Он показывает ошибочность всех «исторических тенденций», «исторических законов эволюции» и «линейных теорий стадий прогресса». Все что фактически имеется в истории – лишь флуктуации и колебания различной продолжительности и скорости. Существование вечной «линейной» эволюции общества и социальных институтов не доказано.

Таков, если вкратце, упрощенный каркас основных идей социологии Парето. Как я уже сказал, этим можно дать лишь отдаленное представление о книге Парето. Возможно ее ценность не столько в свойствах его общей теории, сколько в ряде исследовательских монографий, сочетание которых она представляет. Обилие математических формул, диаграмм, и длинных ряд исторических и фактических подтверждений, а также недостаточная упорядоченность материалов, делает адекватный обзор работы в

¹ Это было реализовано в фашизме, который признал Парето одним из своих идеологических лидеров.

краткой форме достаточно затруднительным. Тем не менее, надеюсь, изложенное выше составит некоторое представление о ней.

Критика

По мнению автора, основные идеи социологии Парето следует признать логичными и перспективными. Хотя почти все они были выдвинуты до Парето, ему удалось развить и систематизировать их. Его концепция социологии в ее связи с отдельными социальными науками гораздо эффективней, чем множество других соответствующих теорий. Его теория взаимозависимости различных социальных феноменов, функциональных и количественных методов их изучения соответствует современным тенденциям естественных и социальных наук. Его анализ человеческого поведения, роли остатков и дериваций, и нелогической «логики» человеческих действий, опять же выглядит правдивым. Его достаточно резкие и «иронические» высказывания, касающиеся ненаучного характера множества «социологических» теорий, следует признать обоснованными. Его идея последовательных приближений и необходимости сконцентрировать наше внимание на относительно постоянных элементах социальной системы, также кажется мне полезной. Наконец, его теория гетерогенности человеческих индивидов, социальной стратификации, циркуляции элит, и его критика «слащавых» идеологий прогресса, демократии, солидарности и т.д. была подтверждена и развита многими авторами. Часть из них действовали независимо, а часть под влиянием Парето¹.

¹ Теория гетерогенности индивидов и групп, как мы увидим далее, была разработана множеством биологов и социологов расовой и антропологической школы (Гобино, Ф. Гальтон, Х. Чемберлен, К. Пирсон, О. Аммон, В. де Лапуж и все евгенисты и ранние теоретики наследования (*hereditarists*). См. главу о расовой и антропологической школе [9, р. 219–308]). Эти же и множество других авторов развивали приведенные выше идеи о циркуляции элит. Под влиянием Парето теории циркуляции и социального равновесия были развиты в [26; 27]. См. так-

Наряду с этими ценными качествами, теории Парето имеют ряд серьезных недостатков. Во-первых, его понятие остатков остается несколько неопределенным, и по существу оно «субъективно» в том смысле, что оно принято в качестве своего рода внутреннего «побуждения» (чувства, инстинкта), которое не может быть объективно изучено и измерено. Как и многие другие психологи, Парето «вкладывает» эти «остатки» в человека, а затем выводит из них то, что ему нравится. Итак, все эти рассуждения, применимые к подобным психологическим интерпретациям (см. главу о психологической школе) как разновидность «анимистических концепций»¹, должны быть применены к методу и теории Парето. Конечно, Парето гораздо дальше продвинулся в этом исследовании, чем почти все психологи, но он не смог полностью избежать несовершенства такого метода. Отсюда следует, что

же: [28; 29; 22]. Наконец, автор в своем исследовании социальной мобильности нашел многие из идей Парето наводящими на размышления. См.: [30]. См. там ссылки, касающиеся социальной циркуляции и стратификации. Теории, подобные основным идеям Парето о демократии, солидарности, неизбежности социальной стратификации, плутократии и олигархическом характере демократических или эгалитаристских режимов; роль насилия в истории, вымирание аристократии и т.д.; ранее или позже, независимо или под влиянием Парето были выдвинуты у ряда выдающихся авторов. См.: [31; 32, 33, 34; 35; 36; 37; 38; 25; 40], а также работы теоретиков революционного синдикализма, таких как Лагардель и др., Брайс, особенно его «Современные демократии» [41], а также [23; 42] и особенно [43]. Что касается теории Парето о циклическом понятии социальных процессов, см. параграф о циклических концепциях в этой книге.

¹ Примитивный человек усматривает за отдельными явлениями различных «духов», и их действиями объясняет то или иное явление – начиная от грозы и заканчивая рождением, смертью и другими очевидными фактами человеческой жизни. Психологи, вместо старомодных «духов» или «мистической сверхъестественной силы» вкладывают в человека «эмоции», «желания», «идеи», «остатки» и тому подобное, и посредством их влияния пытаются интерпретировать человеческий или социальный феномен, как «проявление» их активности. Легко увидеть, что эта процедура в обоих случаях одна и та же, она анимистическая. Единственная разница состоит в терминологии.

эти внутренние «побуждения» практически невозможно изучить количественно и объективно. Несмотря на склонность Парето к такому количественному изучению, на самом деле он не предоставил реальную количественную оценку остатков. Этим также объясняется, почему классификация остатков Парето кажется достаточно произвольной и сомнительной, естественным образом в том же духе влияя на многие из его выводов и заключений.

Во-вторых, мне трудно отличить его «остатки» от «интересов» как экономических факторов. Пограничная линия между ними довольно плохо очерчена. По этой причине становится трудным точно отличить, какова степень влияния каждого из этих факторов на установление социального равновесия.

В-третьих, Парето сам неоднократно указывал на тот факт, что одни и те же остатки могут привести к различным деривациям, и что по этой причине всегда сложно точно определить, какой остаток послужил источником определенной деривации. Именно этот факт делает сомнительным многие его сведения дериваций к конкретным остаткам. Его выводы могут быть как истинными, так и ложными. Из-за этого мы часто попадаем в тупик и не знаем, какова реальная связь между остатками и деривациями.

В-четвертых, теория социальной циркуляции Парето слишком общая и неполноценная. Она нуждается в поправках и дальнейших доработках.

Эти замечания отражают наиболее важные слабые моменты теории Парето. Однако они не отменяют его значительного вклада в методологию социальной науки, в социологию человеческих речевых реакций и идеологий, или в общее понимание социального феномена. Его работа – возможно, лучшее продолжение замысла социальной физики, разработанной мыслителями XVII в. Парето пытается воплотить этот замысел, отбросив его слабые места и продвигая то, что ценно в этом прекрасном предположении. Если в других современных механистических и энергетических теориях, упомянутых выше, имеется лишь небольшое дополнение к теори-

ям XVII в., то в работах Парето они возрождаются со всем своим блеском и очарованием. Исследования Парето показывают, что взятая в чистом виде социальная физика XVII в. может развиться до реальной научной социологии, которая, вероятно, не будет способна распутать все «мистерии» человеческого поведения и человеческой истории, но сможет до какой-то степени разъяснить наиболее важные из них.

Ряд других упомянутых исследований, продолжающих линию принципов Парето, и уже принесших некоторые значительные результаты, по-видимому, оправдывают это ожидание и стимулируют к развитию «механистических и количественных исследований социальной системы», как было предложено Парето.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pantaleoni M.* In occasione della morte di Pareto // *Giornale degli Economisti.* 1924. No. 1–2.
2. *Pareto V.* Il compito della sociologia fra le scienze sociali // *Rivista Italiana di sociologia.* 1897. July.
3. *Pareto V.* I problemi della sociologia // *Rivista Italiana di sociologia.* 1899. March.
4. *Pareto V.* Un applicazione di teorie sociologiche // *Rivista Italiana di sociologia.* 1900. July.
5. *Pareto V.* *Traité de sociologie générale.* Paris, 1919. Vol. II.
6. *Pareto V.* *Cours d'économie politique.* Lausanne, 1896–1897.
7. *Pareto V.* *Les systèmes socialistes.* Paris, 1902–1903.
8. *Pareto V.* *Manuale di economia politica.* Milano, 1906.
9. *Sorokin P.A.* *Contemporary Sociological Theories.* New York: Harper & Brothers, 1928.
10. *Revue intern. de Sociologie.* 1924. P. 518–530.
11. *Bousquet G.H.* Vilfredo Pareto // *Revue intern. de Sociologie.* 1924. Vol. 32. P. 113–117.
12. *Bousquet G.H.* *Grundriss der Soziologie nach Vilfredo Paretos.* Karlsruhe, 1926.
13. *Carli F.* Pareto soziologisches System und der Behaviorismus // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie,* 1924–1925, IV. Jahrgang, 3 u. 4 Heft.
14. *Borgatta G.* *L'opera sociologica e le feste giubilari di V.Pareto.* Torino, 1917.
15. *Jubilé du V. Pareto.* Lausanne, 1920.

16. *Giornale degli Economisti*. 1924. No. 1–2.
17. Barone E. L'opera di Vilfredo Pareto e il progresso della scienza // *Giornale degli Economisti*. 1924. Vol. 39(65). P. 20–26.
18. *Pareto V. Traité de sociologie générale*. Paris, 1917. Vol. I.
19. *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der Sozialökonomik, III*. 1921–1922.
20. *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 1922.
21. *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen, 1922. Vol. I.
22. *Carli F. L'Equilibrio delle Nazioni*. Bologna, 1920.
23. *Lowell A. Public Opinion in War and Peace*. Cambridge, 1923.
24. *Frazer J.G. Psyche's Task*. London, 1913.
25. *Sorel G. Reflection on Violence*. New York, 1912.
26. *Kolabinska M. La circulation des élites en France*. Lousanne, 1912.
27. *Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // Rivista Italiana di Sociologia*. 1913. Sept., Oct.
28. *Sensini G. La teoria della Rendita*. Loescher, 1912.
29. *Boven P. Les applications mathématique à l'économie politique*. Lausanne, 1912.
30. *Sorokin P. Social Mobility*. New York: Harper, 1927.
31. *Данилевский Н.Я. Россия и Европа*. СПб., 1871.
32. *Леонтьев К. Византизм и славянство*. М., 1876.
33. *Le Bon G. The Crowd*. New York, 1896.
34. *Le Bon G. Psychology of Socialism*. New York, 1899.
35. *Mosca G. Elementi di scienza politica*. Torino, 1895.
36. *Ostrogorsky M. La démocratie et les parties politiques*. Paris, 1912;
37. *Michels R. La sociologia del partito politico nella democrazia moderna*. Torino, 1912.
38. *Maine H. S. Popular Government*. London, 1897.
39. *Sorel G. Reflections on Violence*. New York, 1912.
40. *Кропоткин П.А. Речи бунтовщика*. М., 1919.
41. *Брусе J. Modern Democracies*. New York, 1921.
42. *Lippmann W. Public Opinion*. New York, 1922.
43. *Lippmann W. Phantom-Public*. New York, 1925.

Sorokin Pitirim (1889–1968)

Harvard University

Translated by:

Silaeva Victoria

The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, Moscow, seva@starlink.ru

The mechanistic school: Vilfredo Pareto

The translation is a chapter from the book “Contemporary Sociological Theories” (1928) by Pitirim Sorokin. Here Sorokin examines in detail the structure of the sociological theory of Vilfredo Pareto and outlines the “framework of basic ideas” of his sociology. The chapter concludes with a critical summary where Sorokin shows what constitutes the strengths and weaknesses of Pareto’s sociology. Sorokin also delineates here Pareto’s significant contributions to the methodology of social science, to the sociology of human speech reactions and ideologies, to the study of social circulation of elites and of social cycles.

Keywords: Pareto’s sociology, “experimental” science, determinism, interdependence of social phenomena, logical and non-logical actions, theory of factors, social equilibrium, social system, elite circulation, social selection

References

1. Pantaleoni M. In occasione della morte di Pareto, *Giornale degli Economisti*, 1924, 1–2.
2. Pareto V. Il compito della sociologia fra le scienze sociali, *Rivista Italiana di sociologia*, 1897, July.
3. Pareto V. I problemi della sociologia, *Rivista Italiana di sociologia*, 1899, March.
4. Pareto V. Un applicazione di teorie sociologiche, *Rivista Italiana di sociologia*, 1900, July.
5. Pareto V. *Traité de sociologie générale*. Paris, 1919. Vol.II.
6. Pareto V. *Cours d’économie politique*. Lausanne, 1896–1897.
7. Pareto V. *Les systèmes socialistes*. Paris, 1902–1903.
8. Pareto V. *Manuale di economia politica*. Milano, 1906.

9. Sorokin P. A. *Contemporary sociological theories*. New York: Harper & Brothers, 1928.
10. *Revue intern. de Sociologie*. 1924. P. 518–530.
11. Bousquet G.H. Vilfredo Pareto, *Revue intern. de Sociologie*, 1924, 32, 113–117;
12. Bousquet G.H. *Grundriss der Soziologie nach Vilfredo Paretos*. Karlsruhe, 1926.
13. Carli F. Pareto soziologisches System und der Behaviorismus, *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, 1924–1925, IV. Jarsgang, 3 u. 4 Heft.
14. Borgatta G. *L'opera sociologica e le feste guibilari di V. Pareto*. Torino, 1917.
15. *Jubilé du V. Pareto*. Lausanne, 1920.
16. *Giornale degli Economisti*. 1924. №1–2.
17. Barone E. L'opera di Vilfredo Pareto e il progresso della scienza, *Giornale degli Economisti*, 1924, 39 (65), 20–26.
18. Pareto V. *Traité de sociologie générale*. Paris, 1917. Vol. I.
19. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*, Grundriss der Sozialökonomik, III. 1921–1922.
20. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 1922.
21. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen, 1922. Vol. I.
22. Carli F. *L'Equilibrio delle Nazioni*. Bologna, 1920.
23. Lowell A. *Public Opinion in War and Peace*. Cambridge, 1923.
24. Frazer J.G. *Psyche's task*. London, 1913.
25. Sorel G. *Reflection on violence*. New York, 1912.
26. Kolabinska M. *La circulation des élites en France*. Lousanne, 1912.
27. Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali, *Rivista Italiana di Sociologia*, 1913, Sept., Oct.
28. Sensini G. *La teoria della Rendita*. Loescher, 1912.
29. Boven P. *Les applications mathématique à l'économie politique*. Lausanne, 1912.
30. Sorokin P. *Social mobility*. New York: Harper, 1927.
31. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa* (Russia and Europe) (in Russian). SPb., 1871.
32. Leontieff K. *Vizantizm i slavyanstvo* (Byzantinism and Slaves) (in Russian). M., 1876.

33. Le Bon G. *The Crowd*. New York, 1896.
34. Le Bon G. *Psychology of socialism*. New York, 1899.
35. Mosca G. *Elementi di scienza politica*. Torino, 1895.
36. Ostrogorsky M. *La démocratie et les parties politiques*. Paris, 1912;
37. Michels R. *La sociologia del partito politico nella democrazia moderna*. Torino, 1912.
38. Maine H.S. *Popular government*. London, 1897.
39. Sorel G. *Reflections on Violence*. New York, 1912.
40. Kropotkin P. *Rechi buntovschika* (A Rebel's Speeches) (in Russian). M., 1919.
41. Bryce J. *Modern Democracies*. New York, 1921.
42. Lippmann W. *Public Opinion*. New York, 1922.
43. Lippmann W. *Phantom-Public*. New York, 1925.